

*Креч Т.В., к.ф.н.
Krech T.V., PhD*

*Харьковский национальный университет строительства и архитектуры
Харьков, Украина
Kharkiv National University Engineering and Architecture
Kharkov, Ukraine
krech47@mail.ru*

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
SOCIO-CULTURAL CHALLENGES IN THE FORMATION OF THE LANGUAGE OF
THE PERSON**

Аннотация: в статье дается понимание вторичной языковой личности и решаются проблемы формирования языковой компетенции иностранных студентов в продуктивном диалоге культур. В статье предлагаются методы семантизации русских пословиц и поговорок с целью формирования навыков межкультурной коммуникации.

Abstract: in the article understanding of the second linguistic personality is given and the problems of forming of linguistic jurisdiction of the foreign students decide in the productive dialog of cultures. The article suggests ways semantization Russian proverbs and sayings in order to develop skills of intercultural communication.

Ключевые слова: вторичная языковая личность, языковая компетенция, диалог культур.

Keywords: second linguistic personality, linguistic jurisdiction, dialog of cultures.

В данной статье делается попытка осмыслить и предложить некоторые методы формирования вторичной языковой личности. Речь пойдет о сложном в лингвокультурологическом аспекте контингенте иностранных граждан, обучающихся русскому языку и на русском языке. Своими корнями эта проблема уходит в глубинные лингвометодические пласты и имеет обширную историю.

В теоретической части исследования мы опирались на фундаментальный труд Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1986].

Если раньше на первое место в подобных исследованиях выдвигался формальный анализ языковых явлений устной и по большей части письменной речи, что позволяло игнорировать или не уделять должного внимания экстралингвистическим факторам, то именно методика преподавания русского языка как иностранного столкнулась с острой необходимостью сосредоточить внимание на речевом поведении, что непосредственно связано с языковым сознанием иностранного студента, с использованием неродного языка в различных социокультурных контекстах и речевых практиках. Таким образом, мы вплотную приближаемся к понятию «дискурсивная личность» в том смысле, в котором этот концепт предлагает Л.Н. Синельникова [Синельникова 2011]. Методисты-практики внесли свою лепту в понимание того, что концепт «языковая личность, так много давший в свое время лингвистам, социологам, педагогам, потерял свой эвристический заряд в свете накопившихся изысканий в области дискурса» [Габидуллина 2010:168].

Что касается непосредственно методики преподавания русского языка как иностранного, то одной из ее важнейших задач было и остается формирование в сознании иностранных учащихся объективного представления о выраженном в изучаемом языке образе мира либо с позиций лингвокультурологии, которая исследует совокупность культурных ценностей, как в работах Н.Д. Арутюнова, Ю.Е. Прохорова, либо описывая живые коммуникативные процессы, как предлагали В.Н. Телия, Ю.М. Лотман, либо в системном описании языковой картины мира, обеспечивая, по мысли В.В. Воробьева, В.А. Маслова, решение в совокупности образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач.

В своем исследовании мы опираемся на концепцию В.Н. Телия и Ю.М. Лотмана, ибо она наиболее близка к современной теории дискурсологии

Таким образом, задача расширения языковой компетенции иностранных студентов, формирования вторичной языковой личности – задача хоть и трудная, но насущная и необходимая. Возникает закономерный вопрос, что представляет собой «вторичная языковая» личность, возможно ли и нужно ли ее формировать, если нужно, то в какой мере. Сам термин «вторичная языковая личность» воспринимается учеными и методистами неоднозначно – от широкого употребления чуть ли не в каждой второй работе по этнокультурологии до его полного отрицания [Синельникова 2011].

Сразу оговорюсь, что под вторичной языковой личностью понимается тот пласт языковой компетенции, который наслаивается на уже сформированную языковую картину мира. В этом смысле термин «вторичная языковая личность» выполняет сугубо прагматическую роль своеобразного водораздела для распознавания понятий на психолингвистическом уровне «свой – чужой», «первичный – вторичный». На одном из конгрессов славистов, посвященных проблемам билингвизма и полилингвизма, известный ученый Роман Якобсон высказал предположение, что ни один билингв, не говоря уже о полилингве, не может в одинаковой мере владеть родным языком и всеми остальными, ибо родной язык – это всегда поле первичной языковой компетенции.

Практика обучения русскому языку как иностранному не раз сталкивалась с дилеммой, какой путь избрать – сугубо прагматический, скажем, ограничиться однословным глагольным коррелятом вместо устойчивых сочетаний, идиом или других выразительных средств языка, что вполне обеспечивает коммуникативные потребности в сфере бытового общения, или сосредоточить свое внимание на семантизации выразительных средств изучаемого языка. Учитывая, что языковая компетенция иностранных студентов ухудшается с каждым годом, соблазн пойти по пути минимизации языковых средств, обеспечивающих коммуникативные потребности в ограниченных сферах общения, очень велик.

Это один из вызовов, который носит лингвометодический характер. Мне представляется методически и культурологически оправданным второй путь, ибо изучающие русский язык иностранные студенты вынуждены постоянно находиться в двух различных социокультурных общностях. Усвоение языка – это не только овладение средствами межкультурной коммуникации, но и, прежде всего, овладение средствами социальной коммуникации через усвоение инокультурной картины мира, в том числе и иноязычной.

Для удобства исследования языковой личности иностранцев, овладевающих русским языком, мы выбрали несколько параметров из огромного спектра, предложенного Л.Н. Синельниковой [Синельникова 2011].

В теоретическом определении концепта «языковая личность» мы, как и многие современные исследователи, опираемся на фундаментальный труд Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1986]. В нашем случае особенно актуальными параметрами формирования языковой личности в условиях вторичной (неродной) языковой среды являются следующие: языковая личность и национальный характер, лингводидактическое представление языковой личности и ее структура, лексикон и грамматикон языковой личности, лингвокогнитивный уровень в структуре личности, коммуникативные потребности личности [Синельникова 2011:200].

Вторичная языковая личность – это дважды культурный субъект, который формируется в процессе усвоения нового социокультурного опыта. Таким образом, дискурсивный субъект – это субъект, представляющий собой некоторое интегрированное семиотическое образование с центром «я», не существующее само по себе вне символического взаимодействия с другими людьми. Он живет в пространстве «языковых практик, то есть фактически представляет собой место встречи различных дискурсов» [Кожемякин 2009: 46].

Причем, чем дальше друг от друга культурно-ментальные особенности участников речевых практик, тем больше различных речевых ролей играют они в процессе реальной коммуникации. Причем влияние среды может быть как положительное, так и отрицательное. Именно на этом отрицательном воздействии, на тех вызовах, которые существуют в реальном мире, я и хотела бы остановиться в своем докладе. Попутно я бы

хотела взять на себя смелость дать некоторые рецепты противостояния агрессивному воздействию окружающей среды. Речь пойдет о тех вызовах, которые имеют непосредственное отношение к формированию мировоззренческих ценностей, общей культуры.

Итак, вызов первый, который заключается в отсутствии у наших студентов умения работать с текстом. И это связано, в первую очередь, с тем, что, как ни парадоксально это звучит, Интернет, всемирная сеть, облегчившие жизнь и нам, и нашим студентам, одновременно губят навыки аналитической работы с печатным текстом, осознания его структуры, взаимодействия формы и содержания. Приведу конкретный пример: очень часто, давая задание составить реферат на определенную тему, а иногда и превращая этот очень полезный вид деятельности в наказание за пропущенные занятия, не знакомят студента со структурой реферата, а ведь реферат – жестко регламентированный и структурированный вид письменной работы. В результате мы получаем неумелые компиляции, бессовестно скачанные во всемирной сети с нулевым коэффициентом полезного действия. А тут еще и всемирная паутина пестрит всякого рода рекламными коммерческими предложениями – от реферата до курсовых и дипломных работ.

Следующий вызов, связанный с распространением всемирной паутины, заключается в отсутствии навыков полноценного общения у современного студенчества. Речь пойдет о культуре общения, о речевой культуре. Из двух терминов «общение» и «коммуникация» я намеренно выбираю первый, так как на многочисленных сайтах, в чатах происходят именно акты коммуникации, а не полноценное общение. По мнению известного славяноведа Анны Вежбицкой, именно общение входит в число «культурных русских слов», не имеющих английского эквивалента. Ей вторит и авторитетный русист Анна Зализняк, считая, что люди разговаривают в течение некоторого времени преимущественно с целью поддержания душевного контакта, общности. Добавлю, что в русской языковой картине мира, или в русском дискурсе – это большая ценность и источник радости. Ничего этого нет в заимствованном слове «коммуникация», несмотря на его востребованность в современном компьютеризированном мире и современной методической науке. В этом слове на первый план выступает такой смысл, как обмен информацией, нечто бездушное, утилитарное, технократичное. Общение же не сводится к обмену информацией, в общении не обойтись без духовности. Здесь вполне приемлема формула К.С. Станиславского, который, обращаясь к актерам, говорил: «При общении вы, прежде всего, ищите в человеке его душу, его внутренний мир». Таким образом, выбор термина обусловлен не моими стилистическими предпочтениями, а концептуальной составляющей термина. Общение же осуществляется с помощью Его Величества Слова. Вспомним известное библейское изречение «Вначале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог». Успех общения зависит от уровня нашей речевой культуры, нашего речевого поведения. Персидский поэт и мыслитель XIII века Саади очень точно подметил: «Умен ты или глуп, велик или мал, не знаем мы, пока ты слово не сказал». И тут возникает третья угроза, которую создает наш технократичный мир.

Растет целое поколение, зараженное субкультурой Интернет-общения, которая характеризуется пунктирностью, отсутствием строгих норм и правил в оформлении мысли, создания связного текста. Грамотность катастрофически падает, ассоциативное мышление, богатство образного строя все чаще уступают место языковым клише и бездушным схемам. Вирус неграмотности проникает даже в профессиональную сферу журналистов, дикторов радио и телевидения. Вестернизация грозит массовым засорением и русского, и украинского языка. Наглядный пример: в английском языке словосочетание «public relation» означает «связь с общественностью» и ничего большее. В русском языке это выражение превратилось в разветвленное словообразовательное гнездо: «пиар», «пиарщик», «пиарить» (последнее даже приобрело некоторый негативный коннотативный смысл), что непонятно англичанам.

Эта беда приобрела мировые масштабы: так, 70% японцев разучились писать иероглифы. И, наконец, еще целый ряд вызовов связан с глобализацией: это и тот факт, что на смену существующим ценностям приходят новые, характерные для общества сверхмерного

потребления, и культ жестокости и насилия, пришедший на смену идеалам добра, милосердия, сострадания, и возвращаясь к всеобщей технократизации, это еще и отсутствие навыков восприятия реальной, а не вымышленной, виртуальной реальности, той ситуации, которая существует здесь и сейчас, и расширение ксенофобии, когда привычной становится формула: «Другой – значит чужой. Чужой, следовательно, – плохой». Этот ряд можно было бы продолжать и дальше. Проблема многогранна и многоаспектна и волнует многих.

Второй важнейшей особенностью формируемой дискурсивной личности является ее минимальность. Иностранцы студенты, как никто другой, переживают время, когда «прежняя социальная роль оставлена, а новая еще не знакома и не принята, происходит быстрый или затянувшийся переход из состояния А в состояние В (во временном модусе – из прошлого в новое настоящее). Минимальность связана с поиском идентичности, который происходит не столько в воспроизводстве традиций, сколько в их преодолении и создании новых традиций [Синельникова 2011: 205]. В этой связи нельзя не сказать о влиянии, которое оказывает на речевые практики студентов молодежная субкультура, реклама, электронные средства массовой информации.

Особое значение приобретает также изучение многочисленных контекстов реальной коммуникации. Коммуникативность – важнейшая черта любой дискурсивной личности, а для иностранного студента это сверхактуально, так как мы формируем би- и поликультурную личность, на которую накладывает свой отпечаток и билингвальная среда. И наша задача как раз и заключается в том, чтобы стимулировать у иностранных студентов возможные реализации основной человеческой потребности – потребности в общении.

При этом, с нашей точки зрения, необходимо различать понятия «общение» и «коммуникация». Примечательно, что исконно русское слово «общение» не имеет точного английского эквивалента. Вот как определяет значение глагола «общаться» Анна Зилизняк: «Этот глагол обычно подразумевает, что люди разговаривают в течение некоторого времени, преимущественно с целью поддержания душевного контакта, ощущение «общности». Общение в русской языковой картине мира, вторит и М.А. Кронгауз, – это большая ценность и источник радости [Кронгауз: 73]. Совсем другие ценности изначально заложены в слове коммуникация. Здесь на первый план выступает обмен информацией, то есть нечто нейтральное, утилитарное, технократическое. Именно поэтому оно так востребовано в нашем обществе, когда на смену духовным ценностям все чаще приходят бездушно-технократические. Люди общаются друг с другом, чтобы не только получить новую информацию, что-то или кого-то понять, но и выразить свои чувства, эмоции, сравнить свою точку зрения с точкой зрения другого.

Разграничение этих понятий поможет нам решить практическую проблему выбора и набора языковых средств, необходимых и достаточных для обеспечения коммуникативных потребностей и потребностей иностранных студентов в сфере бытового, межличностного, духовного и душевного общения. Если первая потребность стремится к минимизации языковых средств, то вторая заявляет о необходимости расширения, включения разнообразных выразительных средств языка: от устойчивых словосочетаний до фразеологизмов, пословиц и поговорок.

Второй вопрос, на который следует дать ответ, заключается в том, чтобы определить соотношение национального и интернационального в образном строе любых сопоставляемых языков, определить общечеловеческие и сугубо национальные ценности, что в эпоху тотальной глобализации приобретает особую остроту.

В качестве примера приведу некоторые различия в ментальности русского и китайского народов, сосредоточив основное внимание на фразеологических образованиях как одном из самых многослойных и образных средств языка.

Например, культура русского и китайского народов значительно отличаются, поэтому очень важно при обучении русскому языку в аспекте лингвострановедения в китайской аудитории формировать фоновые знания учащихся.

Приветствуя собеседника, китаец обязательно спросит после «Здравствуйте»: «Вы уже позавтракали?» (пообедали, поужинали – в зависимости от времени суток).

Иногда у нас вызывает недоумение обращение «преподаватель» (без имени и отчества), что мы воспринимаем как некую фамильярность, фривольность. На самом деле в китайской традиции закреплено следующее обращение к преподавателю: фамилия + «лаоши», что как раз и означает «преподаватель», но можно и просто «лаоши», что вполне соответствует нормам китайского этикета.

Невольно возникает еще одна проблема – диалог культур, его проявление на занятиях по русскому языку как иностранному. Мы полностью разделяем мысль Л.В. Щербы о том, что диалог является естественной формой и внутренней, и внешней речи. Это же суждение находим и у Е. Кожемякина: «Мышление – необходимый компонент рефлексии человека и само становится объектом этой рефлексии» [Кожемякин 2009: 4].

Иногда мы, поддаваясь общим тенденциям глобализации, вместо диалога культур неоправданно широко используем интернациональные слова, что еще уместно в аудитории англо- и франкофонов, но совершенно нецелесообразно в китайской аудитории. Да, действительно, существуют общечеловеческие ценности, которые сближают народы, делают диалог культур плодотворным и понятным. Еще в 1936 году великий мыслитель Н. Рерих писал: «И когда мы утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка... Именно только единением, дружелюбием и справедливым утверждением истинных ценностей можно строить во благо, в улучшение жизни... Все человеческие примеры ярко говорят о том, что в союзе, доброжелательстве и сотрудничестве кроется источник человеческого взаимопонимания» [Рерих 1994: 24].

Одновременно у каждого народа, у каждой локальной цивилизации, у каждого общества, у каждой культуры имеется своя «пирамида ценностей». В фундаменте «пирамиды ценностей» лежат базовые ценности, образующие своеобразный ценностный архетип менталитета тех или иных народов, тех или иных обществ.

Так, например, идиомы «тыловая (штабная, канцелярская) крыса» вызывают в русскоязычной аудитории негативное отношение к факту, обозначенному этим выражением, в китайской же аудитории крыса символизирует мудрость, жизненный опыт, надежность, что вызывает необходимость в особой семантизации выражения.

Обучаясь в наших вузах, иностранные студенты сталкиваются с проблемой, вызванной всеобщей глобализацией и вестернизацией и ее проявлениями в современном русском языке, что еще больше обостряет и усложняет проблему распознавания на уровне «свой – чужой».

Межкультурная коммуникация в процессе обучения русскому языку как иностранному одновременно является обучением языку как средству познания культуры и традиций русского народа. Поскольку каждый носитель языка является одновременно и носителем культуры, то «языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат орудием представления основных установок культуры» [Верещагин 1976: 258]. Более того, язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. При этом языковые нормы соотносимы с установками культуры.

Таким образом, знакомство с культурой страны изучаемого языка позволяет быстрее и полнее сформировать необходимый уровень коммуникативной компетенции, которая является частью лингвокультурологической компетенции. Формирование вторичной языковой личности в параметрах языка и культуры – это современная лингвометодическая интерпретация взаимодействия языка и культуры, отражающая новую систему ценностей и позволяющая по-новому моделировать процесс обучения русскому языку иностранных студентов с позиции лингвокультурологии как парадигмы научного знания.

Список литературы:

1. Баранов А.Н. Семиотическая личность в учебном тексте // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: Тезисы докладов ХУ Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / А.И. Баранов. - М. - Калуга, 2006. - С. 30 - 31.
2. Батурина Д.И. Обучение русским пословицам и поговоркам в лингвокультурологическом аспекте / Д.И. Батурина // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур – Белгород - Харьков, 2006 – 234 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагина, В.Г. Костомаров – М.: Наука, 1976. – 356 с.
4. Габидуллина А.Р. Дискурсивная личность в учебном тексте // Русский язык в поликультурной мире: Сб. науч. работ / А.Р. Габидуллина. – Киев - Ялта, 2010. - С. 167-176.
5. Граник Г.Г. Концепция курса «Русская филология»: Почему нужны учебники нового типа. - М.: Мой учебник, 2007. - 180 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 1987. - 264 с.
7. Кожемякин Е. Дискурсивный подход к изучению культуры // Современный дискурс-анализ: Электронный журнал / Е. Кожемякин. - 2009. - № 1. - Т.1- [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.discursaeanalysis.org/ada3.pdf.
8. Кронгауз М.А. Язык и коммуникация: Новые тенденции. Лекция - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.polit.ru/lectures/2009/03/19.
9. Рерих Н. О вечном ... / Н. Рерих – М.: Наука, 1994. – 430 с.
10. Синельникова Л.Н. Научный концепт «Дискурсивная личность» как эпистемологическая закономерность // Наук. записки Луганского национального университета: Зб. наук. праць. Науковий простір дискурсології: Ретроспективно-перспективний вимір. – Луганськ. - 2011. - № 1 (33). - С. 198-215.
11. Субетто Л.И. Социогенетика: Системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие / Л.И. Субетто – СПб: Исследоват.центр, 1994. – 426 с.
12. Тихомиров О.К. Психология мышления / О.К. Тихомиров – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1984 – 272 с.
13. Чепелева Н.В. Понимание и интерпретация социокультурного опыта в контексте постнеклассической психологии // Психолингвистика: Науково-теоретич.: Зб.- 2008.- Вип.2. Психологія. - Київ, 2008 .